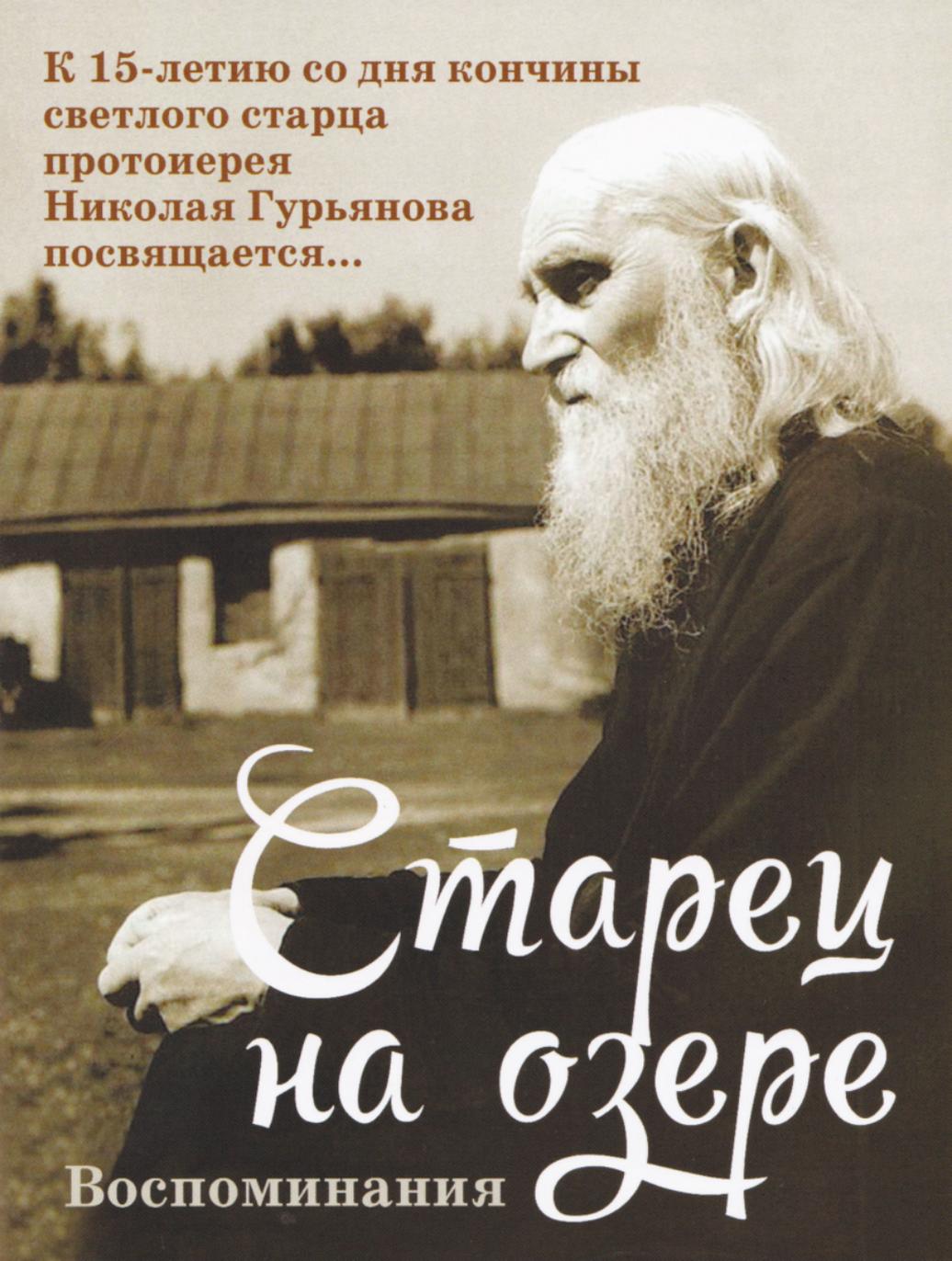

К 15-летию со дня кончины
светлого старца
протоиерея
Николая Гурьянова
посвящается...

Старец
на озере

Воспоминания

Старец
на озере

«Покровъ»
2017

Издательство благодарит
ЛИТВИНА Сергея Алексеевича
за финансовую помощь в издании этой книги
и просит у читателей святых молитв
за здоровье и благоденствие
раба Божьего **Сергия**

ДОПУЩЕНО
К РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИС Р15-327-0667

ББК 86.372.2

Батанова М.А.

«Старец на озере».

— М.: ООО «ПОКРОВ», 2017 — 64 с.: ил.

ISBN 978-985-6554-44-9

Тираж 10 000 экз. Заказ № 5336.

 Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.оаомрк.ru, www.оаомрк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

© Издательство «ПОКРОВЪ»

© Составитель, редактор М.А.Батанова по заказу издательства «ПОКРОВЪ»

© Макет А.Л.Птичкин

О жизни

Со дня кончины митрофорного протоиерея Николая Гурьянова прошло 15 лет. Он скончался на 93 году жизни 24 августа 2002 года. Старец Николай сподобился многих даров Духа Святого, среди них — дары прозорливости, исцеления, чудотворений. Со всей России к старцу приезжали на остров Залита верующие люди, нуждающиеся в духовном совете, в молитвенной помощи.

Протоиерей Николай Гурьянов — один из наиболее почитаемых старцев Русской православной церкви конца XX — начала XXI веков. Многочисленные изреченные им проро-

чества сбылись еще при его жизни: предсказания о свержении в России коммунизма, канонизации Николая II, гибели атомных подводных лодок «Комсомолец» и «Курск», чему он стал свидетелем еще при жизни.

Старец Николай Гурьянов за исповедание веры переносил притеснения от властей, тюремные и лагерные заключения и ссылки. После того, как его выгнали из института за выступление против закрытия храмов, он ушел служить в церковь и за это был арестован. Сначала было заключение в «Крестах», потом — ссылка в лагерь под Киевом, а затем — поселение в Сыктывкаре, в Заполярье прокладывал железную дорогу. Военные годы он провел в Прибалтике. Там же принял сан священника, затем переехал на рыбацкий остров Талабск, где и провел остаток жизни.

Благодаря молитвам старца, у людей отступали болезни, появлялся музыкальный слух, просветлялся ум в познании трудных предметов во время учебы, совершенствовались профессиональные навыки, устраивались житейские недоумения, а нередко определялся дальнейший жизненный путь.

Семья и детство

Николай Гурьянов родился в купеческой семье. Отец, Алексей Иванович Гурьянов, был регентом церковного хора, скончался в 1914 году. Старший брат, Михаил Алексеевич Гурьянов, преподавал в Санкт-Петербургской консерватории; младшие братья, Пётр и Анатолий, также обладали музыкальными способностями.

Все трое братьев погибли на войне. Мать, Екатерина Стефановна Гурьянова, долгие годы помогала своему сыну в его трудах, скончалась 23 мая 1969 года. Похоронена на кладбище острова Залита.

С детства Николай прислуживал в алтаре в храме Михаила Архангела. Однажды приход посетил митрополит Вениамин (Казанский). Отец Николай так вспоминал об этом событии: «Я мальчишкой совсем еще был. Владыка служил, а я посох ему держал. Потом он меня обнял, поцеловал и говорит: «Какой ты счастливый, что с Господом...»».

Учитель, заключённый, священник

Николай Гурьянов окончил Гатчинский педагогический техникум, учился в Ленинградском педагогическом институте, откуда был исключен за выступление против закрытия одного из храмов. В 1929–1931 преподавал математику, физику и биологию в школе, служил псаломщиком в Тосно.

Затем был псаломщиком в Свято-Никольском храме села Ремда Середкинского района Ленинградской (теперь Псковской) области. Был арестован, находился в ленинградской тюрьме «Кресты», отбывал заключение в лагере в Сыктывкаре Коми АССР. После освобождения не смог получить прописку в Ленинграде и преподавал в сельских школах Тосненского района Ленинградской области.

Во время Великой Отечественной войны не был мобилизован в Красную армию, так как покалечил ноги на тяжелых работах в лагерях. Находился на оккупированной территории.

8 февраля 1942 был рукоположен (целибатом, то есть в безбрачном состоянии) в сан диакона митрополитом Сергием, находившимся в юрисдикции Московской Патриархии.

С 15 февраля 1942 года — он священник. В 1942 году окончил богословские курсы, служил священником в Свято-Троицком женском монастыре в Риге (до 28 апреля 1942). Затем, до 16 мая 1943 являлся уставщиком в Свято-Духовском монастыре в Вильнюсе.

В 1943–1958 годах — настоятель храма святого Николая в селе Гегобросты Паневежского благочиния Виленско-Литовской епархии. С 1956 года — протоиерей.

Отец Николай был необыкновенно привержен церкви. Не будучи монахом, он жил строже, чем монах, во всем — и в питании, и в отношении к людям и молитве. Его образ жизни можно назвать действительно христианским: люди видели в нем пример беззаветного служения Господу.

Протоиерей Иосиф Дзичковский считал, что «такие приходы — оазис православного благочестия в католической Литве». В слу-

жебной характеристике, выданной протоиерею Николаю архиепископом Виленским и Литовским Алексием (Дехтеревым) в 1958 году, говорилось: «Это, без сомнения, незаурядный священник. Хотя приход его был малочисленный и бедный (150 прихожан), но благоустроен так, что может быть показательным примером для многих. Не получая никакого пособия из Епархии, он сумел найти местные средства, на которые капитально отремонтировал храм и привел его в благолепный вид. В редком порядке содержится и приходское кладбище. В личной жизни — безукоризненного поведения. Это пастырь — подвижник и молитвенник. Целибат. Приходу отдавал всю свою душу, все свои силы, все свои знания, все сердце и за это всегда был любим не только своими прихожанами, но и всеми, кто лишь только ближе соприкасался с этим добрым пастырем.»

Во время служения на приходе в Литве отец Николай заочно получил богословское образование в Ленинградской духовной семинарии и Ленинградской духовной академии.

«Талабский старец»

С 1958 отец Николай стал служить в Псковской епархии, был назначен настоятелем храма святого Николая на острове Талабск (Залита) на Псковском озере, являлся им бесменно до самой кончины.

В 1970-е годы к отцу Николаю на остров стали приезжать люди со всей страны — его начали почитать, как старца. Его называли «Талабским» или «Залитским» (по прежнему названию острова, который был переименован в советское время в память о большевистском активисте Якове Залите) старцем.

Не только церковные люди тянулись к нему, но и падшие души, чувствуя тепло его сердца. Некогда забытый всеми, порой, он не знал ни минуты покоя от посетителей, и чуждый мирской славе только потихоньку сетовал: «Ах, если бы вы в церковь так бежали, как за мной бегаете!». Его духовные дары не могли остаться незамеченными: он называл незнакомых людей по имени, приоткрывал забытые грехи, предупреждал о возможных опасностях, наставлял, помогал изменить

жизнь, устроить ее на началах христианских, вымаливал тяжелобольных.

Существует рассказ о том, что отца Николая спросили: «К Вам за Вашу жизнь приходили тысячи людей. Скажите, что Вас больше всего беспокоит в душах современных людей — какой грех, какая страсть? Что сейчас наиболее опасно?». На это он ответил: «Безверие». И на уточняющий вопрос: «Даже у христиан?» — ответил: «Да, даже, у православных христиан. Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец».

Сохранились свидетельства того, что по молитвам батюшки, ему открывалась судьба людей, пропавших без вести. В 1990-е годы известный на всю страну архимандрит Иоанн (Крестьянкин) свидетельствовал об отце Николае, что он является «единственным, по-настоящему, прозорливым старцем на территории бывшего СССР». Он знал произволение Божие о человеке, многих направлял по кратчайшему пути, ведущему ко спасению.

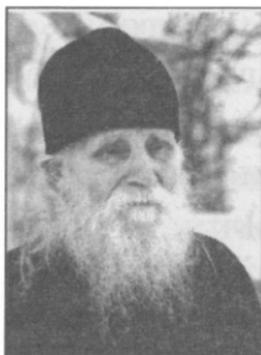
В 1988 протоиерей Николай Гурьянов был награжден митрой и правом служения с открытыми Царскими Вратами до «Херувимс-

кой». В 1992 удостоен права служения литургии с открытыми Царскими Вратами до «Отче наш» — высшего церковного отличия для протоиерея (исключая крайне редкий сан протопресвитера).

Отец Николай пользовался известностью как в России, так и среди православных людей за её пределами. Так, в канадской провинции Саскачеван на берегу лесного озера по его благословению был основан скит.

Известностью и любовью старец пользовался также у творческой молодежи и интеллигенции: за благословением на творчество к нему на остров приезжали Константин Кинчев, Ольга Кормухина, Алексей Белов и многие другие. Кроме того старец стал прототипом героя фильма «Остров», где главную роль сыграл рок-поэт и музыкант Петр Мамонов.

В похоронах отца Николая на острове Талабск (Залита) участвовали более трех тысяч православных верующих. Многие почитатели посещают могилу старца. Учреждено Общество ревнителей памяти праведного Николая Псковоезерского (Николая Гурьянова).

Воспоминания о старце

Игуменья Пюхтицкого монастыря Варвара (Трофимова) вспоминала о старце Николае (Гурьянове): «К отцу Николаю, как к своему духовному отцу, ездили мы с матушкой Георгией (ныне игуменья Горненской Иерусалимской обители) на остров ежегодно. Обычно мы ехали через Псково-Печерский монастырь. Я очень люблю эту древнюю обитель и особенно батюшку отца Иоанна (Крестьянкина). Они с отцом Николаем были очень похожи друг на друга: и почти ровесники, и говорили почти одно и то же. Разница была лишь в том, что отец Иоанн говорил прямо, а отец Николай в разговоре немного юродствовал, часто давал

ответ духовной песней. Бегая славы человеческой, он ходил иногда в беретике, в маминой кофточке, в калошиках. Это мои любимые старцы!

Простота и любовь к людям, животным, растениям, ко всему, что сотворено Богом, выделяли его среди других... Когда отец Николай приехал на остров, около его домика было пустое место, напротив — кладбище с разбитой оградой и ни одного деревца. А ему так хотелось все украсить! И он из Киева, Почаева, Вильнюса, Пюхтиц собирал растения, корни кустов и цветов и сажал на острове. Батюшка с любовью ухаживал за деревцами. Тогда еще там не было водопровода, и воду батюшка носил с озера, по сто-двести ведер. Все сам поливал: и кусты, и цветы, и будущие деревья. Рядом с домом батюшка посадил хризантемы, георгины, гладиолусы. Теперь мы видим плоды его трудов: повсюду зазеленели туи, пихты, лиственницы. А где зелень, там и птицы. Сколько их наполнило своими голосами ранее пустой остров! Для них, для пташек Божиих, отец Николай устроил

«столовую под открытым небом». Чистой душою батюшка был близок всему, что сотворено десницей Божией.

Отец Николай был целибат. У нас в Вильнюсе его все знали и поминали в записочках как священноинока Николая. Я у матушки игумении Нины (Баташевой; в схиме — Варвары) спрашивала об этом, и вот что она мне рассказала. Отец Николай говорил, что, если будет угодно Господу, он примет постриг в монашество. У матушки Нины даже хранилась одежда, которую сестры сшили для пострига отца Николая. В войну, когда женский монастырь сильно бомбили, у матушки игумении все сгорело, в том числе и эта одежда. Отец Николай рассудил, что на его монашество нет Божией воли, и пострига не принимал».

Владыка Павел (Пономарев; ныне митрополит Минский и Заславский, Патриарший экзарх всея Беларуси; в 1988–1992 годах — наместник Псково-Печерского монастыря) рассказывал такую историю: «Приехала к нам в Печеры матушка Георгия (Щукина). Оказывается, у нее был разговор со Святей-

шим Патриархом о возможном направлении ее в Иерусалим. Ей нужно было посоветоваться с духовником — отцом Николаем. Но попасть на остров ей не удалось: пароходы уже не ходят, а лед еще не встал... А эконома спрашивает: «Так благословите на вертолет?» Позвонили в аэропорт — оказалось, вполне доступно. Через 40 минут вертолет уже был в монастыре. Прилетели — а там и приземляться-то некуда. Только что выпал снег хороший. Сели куда-то в огород. Видим: отец Николай идет. И матушки бегут, что-то шумят. Оказывается, после службы и трапезы все по кельям разошлись — и вдруг отец Николай стал всех звать. «Выходите, — кличет. — Матушки, к нам гости едут: матушка игумения Иерусалимская, отец-наместник с братией монастыря». Они говорят: «Батюшка, ты в своем уме? Пароходы не ходят. Ложись, отдыхай». И вдруг — вертолет, шум. А ведь тогда не то что мобильников, вообще связи с островом не было. И ведь называл уже отец Николай матушку игуменией Иерусалимской, хотя о ее будущем совсем никто не знал...»

Протоиерей Олег Тэор рассказывал о старце: «Батюшку я оценил с первой же встречи и очень почитал его всегда. Меня удивляла его прозорливость. Он предвидел многое и, если нужно было, говорил то, что потом сбывалось.

Например, был такой случай. Отец Николай всегда помнил о смерти, о своей к ней подготовке, часто говорил на эту тему и наказывал, в чем его хоронить. Однажды он обещал одной своей духовной дочери, что она будет на его похоронах. Другая, по имени Антонина, тут же заявила: «И я буду, батюшка. Обязательно приеду». А он так прикровенно и говорит: «Да нет, ты дома будешь». И оказалось, что эта Антонина умерла. А та, которой было обещано присутствовать на похоронах, действительно там была. И мне батюшка говорил, что я его похороню. Так и вышло.

Сейчас я также чувствую его молитвенную поддержку. Бывает, что, когда его поминаю, мне идет помощь. Отец Николай имел и дар исцелений. Молитва его была очень действенной. Одна его духовная дочь так тяжело заболела, врачи признали рак. Она себя

чувствовала очень слабо, лицо ее было бледное, прозрачное. Работала она на тяжелой работе, где ей приходилось иметь дело с вредными для ее здоровья химикатами. Врачи рекомендовали ей найти другую работу. Но отец Николай не благословил. Больная послушалась. Прошло уже много лет, а она, по молитвам бабушки, поправилась и живет до сих пор. Когда я сильно заболел, отец Николай тоже очень убежденно уверил меня, что Господь исцелит. И действительно, я исцелился.

Отец Николай старался привить своим чадам память о смерти. Говорил, что если бы люди знали, что им уготовано, то они вели бы себя по-другому. Часто он для вразумления и наглядности показывал гостям икону Страшного суда, объясняя ее и напоминая о возмездии за грехи. Наставлял очень убежденно, евангельскими словами и примерами. Указывал на изображения, где и за какой грех человеку предстоит мучиться. Это многих отрезвляло и заставляло задуматься и помнить всегда о смертном часе».

Архимандрит Амвросий (Юрасов) вспоминал: «Были со мной еще два человека. Одного старец легонько ударил по щеке, а потом сказал: «Батюшка, благослови». – «Да я не батюшка!» – «Не батюшка? Да?» Прошли годы. Теперь тот человек игумен. Девушке, которая приехала с нами, вынес нотную бумагу. Она удивилась: зачем это? Она же художник. Не поет. Нот не знает. А ныне она регент в монастыре».

Протоиерей Георгий Ушаков делился: «Часто я видел, что, даже когда батюшка говорил с человеком, у него в перерыве между фразами шевелились губы. Думаю, что он был непрестанный молитвенник. Отсюда происходили и его прозорливость, и открытость к горнему миру. Во время молитвы Господь открывал ему душу человека и Свою волю о нем».

Протоиерей Владимир Степанов рассказывал: «Я жил тогда в Пскове и служил диаконом в Троицком кафедральном соборе. Рядом с собором стоит колокольня, в которой в 1970-е годы жила монахиня Архелая.

Захожу однажды навестить матушку. Речь зашла об отце Николае. Она мне рассказывает, что ей было очень тяжело, и она молитвенно обращалась к батюшке: «Отец Николай! Помоги мне! Отец Николай! Помоги мне...» И так несколько раз. Утром следующего дня батюшка приезжает в Псков, приходит к матушке Архелаете и с порога говорит ей: «Ну что ты меня просишь: отец Николай, помоги мне, отец Николай, помоги мне...»

Господь наградил батюшку живой верой и непрестанной молитвой. Часто было заметно, что он творит Иисусову молитву. Силу его молитвы я испытал на себе, и не раз. Один из примеров: у меня была серьезная проблема, и я зимой пешком от большака пришел по озеру к старцу. Он меня выслушал, затем встал и говорит: «Давай помолимся». Батюшка становится на колени на своей крохотной кухоньке, я за ним тоже. Несколько минут молитвы. Встаем с колен. Отец Николай меня благословляет, и я ясно в душе ощущаю, что моей проблемы больше нет. Слава Богу!»

Священник Алексей Лихачёв вспоминал: «Батюшка мне показался немного наивным: он все уговаривал меня ежедневно читать утренние и вечерние молитвы. А я был таким усердным студентом, что для меня странным казалось не то что молитвы не прочесть – я и Псалтирь читал неукоснительно. «Разве он не знает, что я и без всяких уговоров это делаю?» Но потом в академии я оказался в кружке молодых людей, знатоков и приверженцев греческой традиции, которые, вышучивая наше российское благочестие, иронизировали: «Без вычитки этого правила вам никак не спастись». Так батюшка заранее меня укрепил, чтобы не поддаваться. И еще: теперь, через десять лет, я настолько оказался обременен строительством храма, а также семейными трудностями и бытовыми неурядицами, что засыпаю иногда, не раздеваясь. Но слова отца Николая звучат сегодня — как укор.

Батюшкин язык надо было еще уметь понять. Он открывал людям такие глубокие вещи, да еще в нескольких словах, что их приходилось облекать в форму образов или

символов, которые прояснялись постепенно, по прошествии времени, наполняясь новыми духовными смыслами и поворотами судьбы. Некая послушница, приехавшая вместе со мной на остров, стала рассказывать батюшке о нестроениях в монастыре. Он ласково прикоснулся к ее шее: «А ты крестик-то носишь?» Она вынула крестик с груди. «Вот и носи». (У нее через год открылось душевное расстройство.)

А девушке Вале, интересовавшейся у него, можно ли ей заниматься конным спортом и танцами, отец Николай с лаской и улыбочкой говорит: «А дай-ка я тебе красочки-то добавлю», — и берет седую прядь со своих волос и будто перекладывает ей. Она, знай, смеется. А ведь он ей намекал на горе до седины».

Врач Владимир Алексеевич Непомнящих рассказывал о старце: «Внешне он казался отрешенным от всего земного. Чувствовалось, что между нами, грешными, и старцем было громадное расстояние. Многим, подходившим под благословение, батюшка уже не отвечал

на вопросы, а только молча крестообразно еле-ем помазывал лоб. При этом люди чувствовали, как необходимость в расспросах исчезала. Однако с теми, у кого действительно была нужда, отец Николай беседовал, отвечал им на вопросы и даже приглашал людей к себе в домик. Он отвечал не на все вопросы, а выборочно... Несомненно, старец Николай знал волю Божию и открывал ее в той мере, в какой считал необходимым».

Андрей Лукин вспоминал: «От юности моей я пристрастился к алкоголю, и к 26 годам понял, что без него не могу долго обходиться. Я начал искать выход, пробовал закодироваться – не помогло, только хуже стало... Стал брать обеты. Обещался пред Богом, на кресте и Евангелии, в присутствии священника о воздержании от алкоголя, сначала на полгода, потом на год и полтора. Так продолжалось шесть лет, но беда в том, что, как только наступал конец срока обета, буквально в тот же день я начинал снова пить, так как страсть подступала и невозможно было бороться с ней. И вот в 1999 году, в августе месяце, я приехал

на остров Залита к отцу Николаю Гурьянову. Я подошел к нему и говорю: «Батюшка, благословите меня не пить три года и не курить год (взять обеты)». Отец Николай благословил меня большим крестом и сказал: «Не будешь ни пить, ни курить до конца жизни твоей». С тех пор прошло много времени, и за это время у меня даже помысла не возникало (слава Богу!) ни выпить, ни покурить. А ведь я курил больше двадцати лет.

А за два года до этого чудного события моя жена вместе со старшей дочерью ездила к отцу Николаю с вопросом о том, уходить ли мне с мирской работы и трудиться всецело в церкви или нет. Батюшка, не зная моего имени, сказал жене: «Низкий поклон Андрюшеньке, и прошу ваших молитв». Какое у батюшки смирение – как он назвал меня, алкаша... А жене ответил: «С мирской работы уходить не надо, а регентом пусть поработает». Так и вышло: «поработал», через полгода, меньше, пришлось мне из регентов уйти. Еще жена спрашивала про дочь: учиться ли ей дальше, так как успехи в учебе были неважные, на что

старец сказал: «Учись, учись и учись. Тройка и четверка тоже хорошие отметки». Дочь окончила школу, среднее специальное заведение, сейчас учится в высшем, на четвертом курсе. При поступлении за основной предмет получила пять, за остальные четыре. А ведь в школе училась на тройки!»

Ольга Кормухина, известная певица, делилась: «Надо сказать, что в это время у меня были две серьезные проблемы: курение (я никак не могла бросить курить, хотя и очень хотела этого) и еще мне нравились вкусные спиртные напитки. Я, можно сказать, «кайфовала» от изысканных ликеров, ромов, вин и ничего не могла с собой сделать... Вот подходим мы к домику, видим: люди вокруг старца кучками собрались; мы к ним присоединились. А он бегаёт между людьми и спрашивает: «Пьешь, куришь? Пьешь, куришь? Пьешь, куришь?» А меня не спрашивает. Я думаю: «Ведь это моя проблема. А меня он не спрашивает». Я хочу сказать, а не могу. Чувствую, что бес мне рот заткнул. Просто

натурально это чувствую. У меня вены на шее надулись, а я не могу ни слова сказать. Но чувствую, что если сейчас не скажу, то мне конец. Просто конец. И все! Я напряглась из последних сил и взмолилась: «Господи! Помоги мне!» И тут же закричала: «Батюшка! Я пью, курю! Ненавижу себя за это!» А он как будто ждал этого, подбежал ко мне, перекрестил рот и говорит: «Всё. Больше не будешь». И действительно, это было 19 июля 1997 года, с тех пор я не принимаю ни спиртного, ни сигарет.

Один профессор математики, русский, приехал со своим английским другом, профессором математики, совершенно неверующим. И русский очень молился, чтобы тот уверовал. А англичанин имел помысел: «Если покажет мне этот старец чудо, тогда уверую». Приехали, батюшка их встретил, завел в келью и сразу же, с первых слов говорит: «Какое же чудо тебе, сынок, показать?» Подошел к выключателю и начал щелкать: «Вот есть свет, а вот нету света. Вот есть свет, а вот нету света. Ха-ха-ха». Посмеялись, и отец Николай отправил их домой: «Езжайте, сынки, с Богом,

пока тихонько». Англичанин тоже посмеялся: какие могут быть чудеса? Ведь ученый человек. Приехали они с острова на материк, а там толпа народа, милиция, рабочие какие-то провода тащат. «А что случилось-то?» — «Так три дня уже на островах света нет». И ученый наш тут же развернул лодку обратно».

Анна Ивановна Трусова вспоминала: «Я приехала на остров вместе с моим племянником. Он защищал одного человека, на которого напали хулиганы. В результате на него пало несправедливое обвинение. Следователь давал ему две статьи. Мы поехали к старцу Николаю просить его святых молитв. Батюшка не стал спрашивать, за что, почему, только я вдруг увидела, как изменились его глаза — таких глаз я не видела ни у кого в жизни. Он ушел далеко, он не присутствовал здесь, среди нас. Я прямо-таки затрепетала от этого батюшкиного взгляда. Не знаю, сколько он так молился. Пять минут или больше, но только потом он глубоко вздохнул и сказал: «Не осудят. Оправдают». Так за какие-то несколько минут старец вымолил человека».

Людмила Иванова, церковный фотограф, вспоминала об одном случае: «Собрался однажды отец Николай поздним зимним вечером в сильную пургу куда-то идти. «Батюшка, в такую стужу!.. Зачем?» — испугались матушки. «Зовут», — тихо сказал старец. И, несмотря на уговоры женщин, ушел в ночную тьму. Ветер выл лютым зверем, метель не стихала. Батюшка долго не возвращался. Бежать, искать — куда? Оставалось молиться, уповая на волю Божию. Вернулся батюшка не один. Мужика замерзшего привел. Тот заблудился в пургу, стал силы терять и даже о смерти думать. От страха взмолился угоднику Божию Николаю Чудотворцу, хотя и считал себя неверующим. Отец Николай услышал».

Игумен Роман (Загребнев) рассказывал, как они с другом приехали к старцу на остров. Друг, не имевший опыта общения со старцами, растерялся и ни о чем не спросил батюшку. И вот, когда они уже собрались уходить, отец Николай сам остановил молодого человека: «Скажи мне, разве это дело? Дома писал-писал хартию с вопросами, положил в карман

и, не разрешив ни одного вопроса, уезжаешь! Разве это дело? Сейчас сядешь в «Ракету» и поплывешь, а вопросы в кармане. Ну, доставай сейчас же. А то ведь поплывешь до Пскова, руку случайно сунешь в карман, сердечко-то так и екнет. Чтобы оно было спокойно, и нужна есть разрешить вопросы. Понял?!» «Упал к батюшке в ноги мой попутчик, слезы побежали из глаз, прося прощения и терпения на разрешение написанных вопросов».

Емилиан Лашин вспоминал: «Человек, с которым мне пришлось отправиться на остров Залита, недавно вышел из тюрьмы. Он рано потерял мать, а мачеха плохо обращалась с ним и его сестрой, и оба они начали воровать, и так продолжалось, пока его не посадили. Сидел он два или три раза и когда вышел, уже был очень болен туберкулезом. У него не было ни работы, ни денег, ни прописки, ни жилья, а в больницу было не устроиться. Тогда решили поехать к отцу Николаю. Это было в сентябре, в конце месяца — тяжелое для чахоточников время. Помню, в тот день у батюшки

было много самого разнообразного народа... А мой «подопечный» стоял за воротами у большого камня и не решался (или уже не был в силах) войти. Батюшка едва взглянул на него и сразу окликнул по имени, сам вышел за калитку и долго-долго о чем-то разговаривал с этим человеком. А потом благословил его трижды и сказал громко: «Все будет хорошо». Надо ли говорить, что сразу по нашем возвращении этого человека взяли в самую лучшую клинику, будто внезапно забыв обо всех препонах и доводах, которые те же самые люди находили всего несколько дней тому назад. В этой клинике он пролежал более полугода, совершенно излечившись от страшного недуга. За это время оформили и прописку, и постоянно какимто чудным образом находились средства на лекарства, стоившие немалых денег».

Алексей Белов, известный музыкант, рассказывал: «Мы были свидетелями такого случая. Однажды на острове поднялась страшная буря и вдруг мгновенно затихла. А когда мы подошли к келье батюшки, то его келейница

сказала, что шел смерч, батюшка вышел, перекрестил, и всё рассыпалось. А потом оказалось, что он мальчика от смерти спас. Этот мальчик вышел рыбачить на большой лодке, и во время смерча он мог бы погибнуть, разбиться на этой лодке.

Батюшка вообще спасал людей от смерти не один раз. Так было с нашей дочкой. В младенчестве она очень тяжело переносила высокую температуру, у нее начинались судороги. И вот однажды судороги были такие сильные, что у нее запал язык и началась асфиксия, она уже синеть начала. Тогда я про себя закричал: «Отец Николай, помоги!» И язык вернулся на место, она задышала ровно.

У монахов, с которыми мы встретились на Афоне, были фотографии старца. Все его очень почитали. Когда мы были на вечерней службе в Хиландаре, в сербском монастыре, духовник принимал у меня исповедь. Я решил ему подарить фото отца Николая, так как взял с собой целую пачку, чтобы дарить людям. Он взял фотографию, посмотрел и сказал: «Отец Николай!» Потом я узнал, что духовники

некоторых афонских монастырей, в том числе отец Тихон из Хиландара, приезжали на остров к батюшке Николаю. Для меня это было поразительно. Ведь Святая Гора — центр сосредоточения монашеского опыта более тысячи лет. Можно сказать, что это «институт старчества», здесь возросло много старцев, в том числе современных. И вот с Афона монахи ехали на какой-то далекий остров в России, чтобы увидеть святого».

Иеромонах (ныне игумен) Нестор (Кумьш), духовное чадо старца, делился: «Диаконство мое было им тоже предсказано. Перед поступлением в семинарию я, как обычно, приехал на остров, ибо тогда уже ездил регулярно, не мог уже без этого. Побеседовал со старцем, всё, что нужно было, решил. На прощание он мне говорит: «Скоро диаконом будешь». «Когда?» — спрашиваю. «Следующим летом», — ответил старец. С тем и уехал. Но в душе недоумение: какое диаконство, когда я еще не поступил даже в семинарию? Пошутил, может, батюшка? На деле же вышло всё по его слову.

Меня, как окончившего вуз, зачислили в семинарию сразу во второй класс... По окончании второго класса мне предложили перейти в четвертый, минуя третий. Не дав никакого ответа, я уехал за город к родственникам до сентября следующего учебного года. А в начале июля неожиданно позвонили из епархиального управления с требованием немедленно явиться в город для сдачи ставленнических экзаменов и прохождения исповеди перед хиротонией.

Для успешного хода реставрационных работ по храму, где я служил, благотворитель, совершавший его восстановление, подарил мне машину. «Немедленно продай ее», — категорично потребовал от меня старец, когда я поведал ему об этом. Но я не послушался и решил это сделать по окончании реставрационных работ... На полном ходу у меня заклинило двигатель, и машина стала неуправляемой. Через две-три ужасных минуты я оказался в кювете всеми четырьмя колесами вверх. По милости Божией всё обошлось благополучно, и я отделался испугом. Но с тех

пор не решался нарушать или как-то переиначивать слово, сказанное старцем.

Был у меня один грех, причинявший мне немало огорчений и переживаний. Периодически я страдал рецидивами мрачной раздражительности и вспыльчивости. Трудно жить с этим христианину, так как ничто столько не отравляет существование окружающим и ничто так не унижает человеческого достоинства, как потеря самообладания. Но и борьба с этим распространенным недугом непроста. И вот однажды по приезду на остров я обратился к старцу с довольно глупым вопросом, не лишенным к тому же затаенного тщеславия. Я спросил отца Николая, что бы мне такое особенное делать для вящего благоугождения Богу. Не глядя на меня, старец ответил: «Не скандайте». Ух, как больно мне стало от этого слова! Я отскочил от батюшки, как будто меня обдали крутым кипятком. Его слова попали в самую точку и глубоко уязвили мое самолюбие. Но что делать? Для нашего излечения иногда нужны не сладкие пилюльки, а горькие лекарства, и отец Николай

решительно употреблял их там, где это требовалось. Впоследствии — как я полагаю, не без молитвы батюшки — я обнаружил главную причину терзавшего меня недуга и освободился от него».

Протоиерей Валериан Кречетов делился: «Батюшка всё время повторял: «Всё хорошо, да, всё хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся...» Старца спрашивали о России, а он отвечал: «Россия не умирала. Ох, как хорошо у нас. Слава Тебе, Господи. Господь не оставляет нас»».

Священник Алексей Лихачев вспоминал о последних днях жизни старца и о последней встрече с ним: «И вот я у самого дорогого человека. Снова, как в первую встречу, сижу подле ног. Только батюшка... был уже другим. Он умалился, как когда-то Господь. Он был совсем как ребеночек. Поцеловал мне руку: ты, мол, священник, а я — уже никто. Когда отдавал ему в подарок скромные святыньки, батюшка по-детски спрашивал: «А это что? Крестик?» И умиленно плакал. Я ему привез

ваточку, обмакнутую в миро с иконы Царя-мученика. Он раза три переспрашивал, что это за ваточка. Попросил его поставить крестик на книге с его стихами. «Вот здесь? Здесь?» — спрашивал, пока я не показал пальцем. В послушание мне батюшка минут пять старался своей немощной рукой начертить этот крестик, рука дрожала... Я тоже стал плакать. Всего того душевного, что я знал и чего ждал, уже не было. Не было **НАВСЕГДА**.

Явно почувствовалось, что человеческое в батюшке уже уходит. Внешне об этом говорила противоестественная бледность лица: ни кровиночки! Его плоть держалась только Духом — ради нас, по его любви и милости Божией. И только на вопросы старец отвечал, закрывая глаза и молясь, — и только в эти секунды я узнавал «своего батюшку». Даже тон его становился твердым и властным».

Протоиерей Борис Николаев вспоминал: «Когда батюшка лежал в гробу, правая рука у него была настолько теплая и живая, что у меня закралась в голову мысль, не живого ли

мы хороним. Дело в том, что отец Николай был близок к горнему миру. Праведники в особые минуты, особенно после Причащения Святых Христовых Таин, перестают чувствовать разницу между миром горним и миром видимым, могут временно переходить в иной мир. Отец Валериан часто в последние годы причащал батюшку и несколько раз замечал, что старец словно умирал. Дыхание останавливалось, но пульс продолжал биться. Через некоторое время отец Николай выходил из своей келейки к встревоженному отцу Валериану, келейницам и с улыбкой спрашивал: «Ну, что вы тут?»».

Иерей (ныне протоиерей) Алексей Николин вспоминал о похоронах старца: «Было сорок служащих священников, два владыки: архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий и Никон, епископ Екатеринбургский на покое... Вначале прощалось священство, потом пошли миряне. Прибыли монахи Псково-Печерского монастыря, архимандрит Тихон (Шевкунов) приехал со своим хором. Хор Сретенского монастыря пел отпевание...

Когда закончилось отпевание, подняли гроб, обнесли вокруг храма с канонем «Волною морскою» и понесли на кладбище».

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) утешал скорбящих: «Не плачьте! Теперь отец Николай у Престола Небесного за нас молится».

*Материал подготовила Ольга Рожнёва
24 августа 2015 г.
<http://www.pravoslavie.ru/81520.html>*

Протоиерей Иоанн Миронов: «Отец Николай родом из-под Гдова. Родился он 24 мая 1909 г. в верующей благочестивой семье. Отец его был регентом в Михаило-Архангельском храме села Кобылье Городище. С детства будущий старец прислуживал в алтаре. Самой важной встречей была встреча со священномучеником Вениамином Петроградским — Коля носил во время архиерейского богослужения его посох. И сам он потом стал пастырем, наставником очень многих людей. А владыка тогда сказал маленькому Коле, обняв его: «Какой ты счастливый, что с Господом!»

В 1928 году Николай Гурьянов окончил Гатчинский педагогический техникум и первый курс педагогического института в Ленинграде. Недолго учительствовал, служил псаломщиком.

Батюшка не любил рассказывать о годах гонений и испытаний. А когда я начинал рассказывать о мытарствах моей семьи, он прерывал и несколько раз потом повторял: «Не говори, Ваня, не надо. Может ли сердце это вынести?»

Теперь уже по книжкам я знаю, что отец Николай, как многие православные верующие, был арестован в конце 1930-х гг. Прошел этапы, лагеря, ссылки. Во время тяжелых испытаний батюшка встретил множество подвижников, истинных светильников веры православной, пример которых повлиял на всю его жизнь. Отец Николай сочинил духовное песнопение с названием «В тридцатые годы», которое имеет подзаголовок «Автобиография», в нем говорится о двух ссылках, тюрьмах и лагерях. Заканчивается стихотворение молитвой:

*Прошу, Святая Дева,
В несении Креста,
Для славы Божьей Церкви
Спаси, спаси меня!*

Слова эти пророчески сбылись — через крест служения людям отец Николай явил собой славу нашей Церкви. Начало пастырского служения отца Николая совпало с тяжелыми испытаниями нашей страны — Великой Отечественной войной. В сан диакона он был рукоположен 8 февраля 1942 года Высокопреосвященнейшим митрополитом Сергием (Страгородским) — будущим Патриархом. А 15 февраля 1942 года митрополит Сергей рукоположил его во иерея. Первым местом служения стал Свято-Троицкий монастырь в Риге. Оттуда отец Николай был переведен в Вильнюсский Свято-Духов монастырь. А с конца 1943 по 1958 г. отец Николай был настоятелем храма святого Николая в селе Гегоброды Паневежиского благочиния Литовской ССР.

Хотя батюшка и не принимал монашества, он всегда вел строгую, подвижническую

жизнь. Я не раз бывал в его литовской пустыньке. В католическом и лютеранском окружении жилось, конечно, нелегко, но батюшка покрывал всех любовью.

Припоминаю такой случай. Однажды я приехал к отцу Николаю. Только сели за стол, вдруг в окно стучат, милостыню просят. Батюшка им что-то подал, пригласил чайку попить. Я ему потом говорю: «Какие же это нищие — с золотыми зубами?» А он мне ласково: «Я знаю. Это местный ксендз послал их разведать, кто ко мне приехал, о чем разговаривают...» Батюшка улыбнулся, никого не осудив. Частенько окружали его хитрые люди (до самого конца жизни), а он покорял всех простотой.

Любовью и простотой своей спас батюшка от закрытия Никольский храм. Пришли к нему из НКВД решительно настроенные люди и говорят: «Поступили сведения, что вы против колхозов выступаете, паству против советской власти агитируете». Здесь нужно упомянуть, что отец Николай всегда любил все живое. У него на кухне свила гнездо

ласточка, и он ее оберегал. Вот, показал отец Николай на ласточку и отвечает: «Как я могу препятствовать такому серьезному делу, когда даже малую пташку не могу тронуть. Ваше дело – государственное, мое – духовное». И такое эти простые слова возымели действие, что ушли они успокоенные и храм не тронули.

Суровую отшельническую жизнь вел батюшка в пустыньке почти пятнадцать лет. В это время он еще и заочно учился в нашей питерской семинарии и потом с любовью, приезжая в наш город, посещал родные для него стены.

В 1958 году отец Николай был переведен на служение в Псковскую епархию. Мамочка его – Екатерина Стефановна, с которой вместе он прожил всю свою жизнь, соскучилась по родным псковским местам и стала проситься на родину. В день Покрова Пресвятой Богородицы, 14 октября 1958 г., отец Николай служил первый раз литургию в храме, с которым будет связано почти пятьдесят лет его жизни – храме Святителя Николая на острове Залит.

А я бывал на Залите еще до батюшкиного переезда — участвовал в одном замечательном празднике. На Петров день здесь по обыкновению шел крестный ход из Пскова со Спасо-Елеазаровской иконой (на этой иконе Спаситель изображен в митре с крестом). Икону несли до берега Псковского озера, к переправе на остров, чтобы сесть на катера. А местные жители встречали икону на своих лодках, двигаясь по озеру с хоругвями. Это было незабываемое Торжество Православия!

После переезда отца Николая на остров Залит ему пришлось немало потрудиться физически. Господь даровал ему золотые руки, и он все делал сам — и крышу на храме железом покрывал, и стены красил, и полы ремонтировал, и обновлял убранство храма. Конечно, у него были и помощники (в первую очередь — мамочка), но очень многое он все равно любил делать самостоятельно.

Есть в храме Святителя Николая на Залите почитаемый чудотворный образ Божией Матери «Благодатное Небо». Празднование ему установлено в день Смоленской иконы

Божией Матери – десятого августа. В тяжелые смутные времена с этой иконы была похищена серебряная риза, и отец Николай сразу, как приехал на остров, постарался одеть образ Божией Матери в подобающую порфиру. Игуменья Тавифа из Свято-Духовского монастыря в Вильнюсе вышила ризу Богоматери на голубом бархате. Сколько слез радости и боли сопровождали эту работу матушки-игуменнии, знает, наверное, только Хозяйка ризы. В 1960 году, после двухлетнего труда, риза была надета на икону. В том же году игуменья Тавифа почилла от тяжелого долговременного недуга. А вышитая матушкой риза и поныне радует всех своей красотой.

Особым подвигом отца Николая было озеленение острова. Батюшка с материка привозил деревца и высаживал их. Чтобы они прижились, нужно было огромное количество воды. В день отцу Николаю приходилось носить по сто и больше ведер. Сейчас деревца, уже выросшие, радуют зеленой листвой.

Когда я приезжал к старцу на остров, то опять, как и в Гегобрастах, был свидетелем его

подвига — он почти не спал: днем служил и работал, а ночью молился. Батюшка меня оставлял у себя в комнатке, мы вместе вставали на правило, но я быстро уставал. Он, видя мое полусонное состояние, говорил: «Ты, Ванюша, ложись». Утром проснусь, а он снова перед иконами стоит, молится. Ложился ли отец Николай вообще — не знаю. Вряд ли сыщешь другого такого молитвенника в наше время.

Сам отец Николай духовно питался от старцев всю жизнь, он не был самочинником. Когда был молодой, часто ездил в Печеры, Почаев, Киев, Прибалтику. Особо он почитал старца Гавриила Псково-Елеазаровского. И чад своих батюшка всегда (по личному опыту молодости) обязательно благословлял на паломничества к святыням: «Это все в сердце останется. В трудную минуту вспомнишь и утетишься».

Батюшка всегда много читал, призывая всех к вдумчивому, умному чтению, благословлял получать хорошее светское образование. Лучшим подарком для него всегда была книга. Но больше всего он любил духовное

пение. Как приедешь к нему, он сразу начнет спрашивать, не привез ли каких-то новых духовных стихов. Тут же сядет за фисгармонию, которая стояла у него в келии, начнет подбирать то, что ему напоешь. «Ну как, правильно? Подпевай: «Какою дивной дышит силой молитва «Господи помилуй». В любую свободную минутку батюшка садился за фисгармонию и сочинял духовные канты для простого народа. Сколько среди них вызывающих слезы, живящих душу...

*Господи, помилуй,
Господи, прости,
Помоги мне, Боже,
Крест мой донести...*

*Я же слаб душою,
Телом тоже слаб.*

Помоги мне, Боже.

Я – Твой верный раб...

Народ начал посещать остров Залит, паломничать к батюшке Николаю как к старцу с начала 1970-х гг. Люди стали узнавать о батюшке и потянулись к нему: ведь

пообщавшись с ним, нельзя было его не по-любить. Он всего себя отдавал Богу и людям. Духовными чадами батюшки стали многие священники, монахи и миряне, а также игумены и игумении многих древних и вновь открывшихся монастырей. Все они жили под покровом молитв старца.

Это чувство многих и многих духовных чад старца прекрасно выразил отец Роман (Матюшин), которого батюшка очень любил, и знаю, что даже просил защищать от нападок на него.

*Скажи, отец, как мне спастись,
Какой дорогою пойти?*

*– От юных лет не пресмыкаться,
Не лукомудрствовать в пути.*

Не закопти икону Божью,

Стараясь не отстать от всех,

*Гордыней, мелочностью, ложью –
Все это – непотребный грех.*

*Не терпит Правда мельтешенья,
Ей любо, что не любо нам.*

Она в изгнаньи, в поношеньи

*У тех, кто тянется к чинам.
О, разве званье – добродетель?
Кто посохом Врата открыл?
Любовь всегда враждою метит
Того, кто много возлюбил.
Не тлей, гори, пока есть силы,
Гори, пока душа чиста,
И до неведомой могилы
Взирай на одного Христа.*

О батюшке точнее не скажешь: он всегда «взирал на одного Христа». И потому «не может укрыться светильник под спудом». Не хотел он этой славы от людей, но Господь не оставил его сокровенным. Добродушный, любвеобильный, ласковый батюшка покорял сердца людей. Да и всю тварь земную он нежно любил. Двор скромного батюшкиного домика-келии был словно иллюстрацией к первым главам Книги Бытия: каштаны, кипарисы и другие деревья, множество голубей на ветвях и крыше сидят плотно, как куры на насесте. Тут же воробьи и прочие

мелкие пташки. А рядом с курами мирно прогуливаются кошки и собачка. И всех батюшка старался приголубить, угостить.

У батюшки двадцать восемь лет прожила кошечка Липушка, совсем очеловечилась. Однажды ворону кто-то подбил камнем, так батюшка ее выходил, вылечил, и она стала совсем ручной. Каждое утро потом встречала батюшку, каркала, хлопала крыльями – здоровалась. И все кругом – и деревца и цветы – все на острове жило батюшкиной заботой. Пчелки, мошки, жучки – все ему было не чужим. Комара даже не обидит. Помню, как-то хотел с него комарика согнать, а он не дал: «Пусть лишнюю кровь попьет». Все творение было батюшке по сердцу. Он всегда внимательно смотрел, чтобы ни цветок ни деревце не повредили. Один батюшка рассказывал, как он сломал веточку в саду старца на память, так он заметил, пальчиком погрозил и сказал ему: «Поставь дома в воду, чтобы корни пустила, а потом в землю посади, чтобы выросло дерево».

К батюшке особенно тянулись чистые детские души. Но и пьяницы местные, и вообще все население острова мирно уживались со старцем. Бывало, выйдет он навстречу какому-нибудь местному бедолаге: «Нука, роднуля, что у тебя в сумочке-то затаилось? Голубчик, роднуша, надо бросать это. Семье-то как тяжело. Дай сюда бутылочку-то...» Возьмет – и о камень ее... А пьяница и не ругается, домой идет – и вот вечер мирно в семье-то проходит.

*...Познай, откуда ты и кто,
Зачем пришел, куда идешь,
Что ты велик и ты – ничто,
Что ты бессмертен и умрешь.*

Батюшка всех покорял лаской. Так ее людям сейчас не хватает! Даже взрослые люди хотят, чтобы их приголубили, теплое словечко сказали. А он для каждого находил такое слово. Любви у него на всех хватало. Каждой измученной душе находил он слово утешения. Про старца можно сказать: «Любовью

Христовой уязвися, преподобне». Любовь батюшки была равноангельская, преподобническая. Он покрывал своей любовью наше достоинство. И сейчас покрывает.

А я особенно благодарен батюшке за то, что он принимал меня и в последние годы свои, когда доступ к нему был ограничен. Один раз он специально вызвал меня на остров. А связь была постоянная: и через доктора, его лечившего, Владимира Андреевича, и через других паломников. Батюшка меня уже на смертном одре своем утешал и ободрял. Я очень долго болел, из больницы в больницу переходил, а болячка все не проходила. А он сказал: «Передайте ему, пройдет его ножка. Будет еще служить». И вот, слава Богу, так и стало: и служу, и исповедую, и венчаю, и беседую с людьми. А отец Николай за всех нас теперь особенно молится перед престолом Божиим, и его молитвами мы живы.

Вечная ему память, вечная память, вечная память!

*Протоиерей Иоанн Миронов,
«Покров» №7-8/2012*

*Господи, помилуй. Господи, прости,
Помоги мне, Боже, крест свой донести.
Ты прошел с любовью свой тернистый путь,
Ты воскрес безмолвно, надрывая грудь.
И за нас распятый, много Ты терпел
За врагов молился, за врагов скорбел.
Я же слаб душою, телом тоже слаб,
И страстей духовных я преступный раб.
Я великий грешник на земном пути,
Я ропщу, я плачу, Господи, прости,
Помоги мне, Боже, дай мне крепость сил,
Чтоб свои я страсти в сердце погасил.
Помоги мне, Боже, щедрою рукой,
Ниспошли терпенье, радость и покой.
Грешник я великий на земном пути,
Господи, помилуй. Господи, прости.*

Протоиерей Николай Гурьянов

СОВЕТЫ БАТЮШКИ НИКОЛАЯ:

«Будьте всегда радостны и в самые тяжелые дни вашей жизни не забывайте благодарить Бога: благодарное сердце ни в чем не нуждается».

«Не огорчайтесь за посещение неприятностей: это спутники жизни в нашем оздоровлении».

«Верующий человек должен любвеобильно относиться ко всему, что его окружает. Любвеобильно!»

«Человек рожден для того, чтобы беседовать с Богом».

«Надо жалеть неверующих людей и всегда молиться: «Господи, избави их от этого вражеского помрачения»».

«Ведь это мы сейчас в гостях, а потом все пойдем домой. Но только, мои драгоценные, горе будет нам дома, если мы в гостях были да что-то нехорошее делали».

«Живи так, словно ты завтра умрешь».

«Идите и делайте добро. Всякая любовь покрывает множество грехов».

**ТАЛАБСКИЕ ОСТРОВА.
В ГОСТИ К СТАРЦУ
НИКОЛАЮ ГУРЬЯНОВУ
(записки паломницы)**

Наше маленькое путешествие на остров Залит получилось совсем не так, как мы запланировали, но не менее интересно. В прошлом году мы ездили в Псков и на Талабские острова с экскурсией, в этом решили добраться самостоятельно и остаться на острове на несколько дней. Путевые заметки я написала ночью в поезде, во время получасовой остановки на станции.

До Пскова ежедневно идет замечательный фирменный поезд Псков-пасс, вечером садишься на Ленинградском вокзале и уже утром — там. В 7.30 утра мы вышли в Пскове и попытались поймать такси до Толбы, село находится в 40-км от города и оттуда можно добраться до островов.

Подъезжаем к Толбе, высаживаемся и оказываемся среди кучки местных рыбаков,

которые в плащ-палатках грузят утренний улов рыбы. Говорят, рейсовый катер сломался и неизвестно когда будет. Просим отвезти нас до Залита, подходит главный — высокий загорелый рыбак с выжженным солнцем лицом и добрым прищуром, договорились, одеваем спасательные жилеты и садимся в моторную лодку. Ревет мотор, рассекая волны по глади озера, мы подсакиваем на лодке, пытаюсь удержаться и вода такая серо-желтая, темная, сырая.

Подплываем к Залиту. Пасмурно и моросит мелкий дождь, тяжелые облака нависли над островом и похожи на зимние, наполненные снегом. В воздухе пахнет осенью и последними, октябрьскими георгинами. Изначально мы планировали сходить только на могилку старца Николая Гурьянова и поехать дальше, на остров Белов. Но только сошли с лодки на Залит сразу решили, что останемся здесь.

Где будем жить, у кого поселиться? Ничего не знаем, дождь, вокруг никого, идем к

храму. Я чувствую себя странницей, из вещей только рюкзак, две книги да пакет с сухарями и монастырскими пирожками на случай, если поесть не придется. Мысленно прошу послать нам добрую хозяйку-бабульку, чтобы и накормила или хотя бы чаю горячего дала. Храм еще закрыт, мимо пробегает женщина в черном, у нее спрашиваем где нам можно остановиться переночевать. Она продолжает бежать мимо нас, отвечая на ходу — идите к Нине, она подскажет. После Нины мы идем к Тамаре, а потом оказываемся на крыльце у бабушки Тани, там и поселились в бывшем хлеву, с умывальником из скважины и деревенским туалетом на улице.

Положили вещи и сразу в храм, там в 10 утра начался молебен и освящение меда, первый медовый Спас. Батюшка Николай и все знакомые с прошлого года лица, ничего не поменялось и иконы все те же, старинные и расшитые бисером. Встретили паломников, несколько женщин из Москвы, они приехали сюда на три недели. Спрашиваю у

них: «а что так долго здесь делать?». «Как что, — с удивлением отвечает одна, — мы здесь купаемся, дышим воздухом да грехи свои замаливаем за всю жизнь нашу грешную».

Надышались деревенским воздухом, посмотрелись на пенные волны псковского озера и разбитые рыбацкие лодки на берегу, наслушались как кричат чайки и мерно скрипит им в унисон ржавый трейлер... пришли в свою келью без окон и под мерный шум дождя заснули богатырским непробудным сном. Просыпаемся, кругом полная темнота и света нет, а дождь все моросит и моросит. Идем к бабе Тане, она и говорит: «Несчастливые вы девочки, мало того что дожди проливные начались сегодня, так еще и свет отключили. Звонила в город, сказали что пока найдут по болотам аварию, может и несколько дней пройдет. И вода сейчас кончится, у нас как свет отключают, так и вода кончается».

Сбегали мы в магазин за парафиновыми свечками для бабы Тани и себе взяли десяток, вымокли все насквозь под дождем, а в хлеву нашем совсем холодно стало. Сжалилась над нами баба Таня, позвала к себе в дом, где посветлее. Сидим в доме у бабы Тани, едим картошку с луком, которую она нам нажарила, целую чугунную сковороду. Картошка такая вкусная, я в жизни такой не ела! Заводим осторожно разговоры, спрашиваем знала ли она старца Николая Гурьянова.

Рассказ бабы Тани:

«Да его в деревне все знали! Всех он принимал пока на ногах стоял, и помогал всем! Я сама к нему три раза ходила. Однажды случился у меня перелом позвоночника, страшная болезнь и я вылечиться никак не могла. Только полежу две недели в больнице, вернусь домой и так болеть начинает, что снова в больницу. Не выдержала, в выходные сбежала из больницы и сразу к батюшке Николаю! А он и говорит, забирай все

документы и ехай домой, поправишься. И с того дня я действительно, стала помаленьку поправляться и вот уже тридцать лет живу, молитвами отца Николая!

А молитва у него очень сильная! Сын мой потерял все документы на три отцовых машины и права, очень боялся гнева отца! Говорил что права-то ладно, их можно переделать, а как папа ругаться будет за документы! Весь дом перекрыли, все вверх дном подняли, а они как сквозь землю провалились. Я к батюшке Николаю пошла, сказала ему о своем горе-то, а он взял меня за плечи и говорит — иди, найдутся твои права. Прихожу домой, а права то нашли! За пианино щель была в полу, и лежали они в щели словно кто воткнул туда всю пачку, соседка их и нашла. Пришла в дом и первым делом спрашивает — а что это у вас там за бумажки в полу торчат? Вот какая молитва сильная, полчаса и не прошло!

И сына мне помог батюшка найти. Пропал сын под Новый год, день его нет, два

дня нет, уже не знаем куда звонить и что делать. Пошли к бабушке, он сказал — вернется твой сын, не переживай. Не успела до дома дойти, а он и домой пришел уже!

А приехали ко мне тут семья одна. Бедная семья, из погорельцев, только одна машина и есть, даже жить негде. Ходили несколько раз на могилку Николая, прикладывали какие-то документы все, просили дом помочь построить. И приезжают через два года, такую домину отстроили близ Дивеево, говорят все бабушка помог им! Вот как бывает-то, каждый просит и всем помогает он. Сильная молитва у него, очень сильная».

* * *

Вечереет, дождь немного утих. Идем к бабушке Николаю на могилку, дорогу размыло и в воздухе пахнет укропом, солеными огурцами и рыбой. Заходим на кладбище — стая голубей стремительно вылетает из-под ног. Удивительно, что голуби, городские птицы, живут здесь на острове и нигде их нет

кроме как рядом с могилкой. Домик старца закрыт, его открывают только по утрам, когда паломники с Большой Земли приезжают. На обратном пути заходим к Тамаре, покупаем у нее копченого жирного леща за 200 рублей. Спрашиваем, не копят ли жидким дымком? Что на нас креста разве нет? Вон ольховые поленья, приходите завтра утром, мы снова коптить будем, посмотрите. Будет судак и лещ, он пожирнее и теплый очень вкусный.

Вечером сидим у бабульки в доме, отогреваемся горячим чаем, едим леща и угощаемся медом. Мед у нее необыкновенный, ароматный, со вкусом пчелиных сот. Спрашиваем, где здесь на острове купить хорошего настоящего меду? «У меня, — говорит баба Таня, — у одной из всего острова ульи поставили на огороде. Приезжает из города специалист, наблюдает за новой породой пчел, а мне весь мед отдает, что насобирают за лето. Пчелы ругаются, когда мед у них отбирают, злятся, а потом новый к осени наносят».

Возвращаемся пить чай с сухарями. Зажгли свечи, читаем книги, а пауки мирно плетут свои сети на ночь. Дождь усиливается и снова барабанит по крыше, света не дали и воды тоже нет. Смиряемся и ложимся спать, вещи все мокрые, даже просушить негде.

* * *

Последним утром с паломниками идем в домик, где при жизни жил батюшка Николай Гурьянов. В прошлом году мне казалось ничего нет здесь, а в этом — каждая икона на стене знакома. И как же много у него икон Царских мучеников! Света по-прежнему нет, катер сломан, с острова не выехать. Мы идем к нашему дому и я думаю о том, что при жизни старец всегда отправлял народ с острова домой. Поможет ли нам? По пути встречается священник Николай, догоняю его и беру благословение ехать в Москву.

Собираем вещи и заходим к бабе Тане попрощаться. Приходит обедать Николай, сын бабы Тани. Оказывается, у него есть катер и он возит группы паломников, и нас

подберет. Мы садимся к нему и уезжаем с острова, пока плывем ветер и дождь усиливаются, насквозь все мокрые. Бабушка Таня дает нам в дорогу ведро с дымящейся жареной картошкой и просит не забывать ее. Машем ей рукой и обещаем вернуться летом.

Высаживаемся на берег, решаем вызвать такси и не ждать автобус, нужно успеть купить билеты на вечерний московский поезд. Рядом большой черный джип, мужчина выходит из него и сам предлагает добросить до Пскова. Оказались москвичи, Юра и Лена, приехали сюда ловить рыбу и решили поехать в Псков за червями, а то клева нет. Довезли нас до центра, оттуда на автобусе доезжаем до вокзала и, оказавшись у нужной кассы из трех, берем два билета на Москву. Две верхние боковые полки — ну какая разница! Это были последние билеты, за нами очередь стояла — им уже не хватило.

Едем в поезде, пьем сладкий чай из кружки с подстаканником и грызем сухари.

Рядом спит сосед, на душе тепло и уютно. Вспоминаем благодать острова и точно знаем, что в следующее лето мы снова вернемся сюда, за чудесным медом к бабушке Тане и к старцу Николаю.

Вот так батюшка Николай Гурьянов помогал нам в поездке: и накормил, и медом угостил, и помог легко обратно добраться, и все с помощью добрых людей, которые оказывались в нужное время и нужном месте. И на прочность испытал, оставив на острове без света и привычных городских условий. И просьбу мою не оставил без внимания, уже через два дня после приезда получила я то, о чем просила. Потому что очень сильная молитва у батюшки, и правда говорят — через полчаса слышит ее Господь...

<http://simply4joy.ru>

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ НАЧНЕТСЯ С ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ХРАМОВ!

Сегодня мы публикуем объявление прихода храма святого великомученика Георгия Победоносца в селе Бабичево Малоярославецкого района Калужской епархии. Храм построен в 1853 году помещиком Суровцевым и прихожанами. В годы советской власти храм был разрушен и пришел в запустение. В наше время усердием единомышленников с благословения митрополита Климента началось восстановление церкви.

Для строительных работ крайне нужны строительные материалы и средства для оплаты труда рабочим. Прихожане просят оказать посильную помощь. Храм Георгия Победоносца к храму Успения Пресвятой Богородицы в г. Малоярославце Калужской области, поэтому перечисления пожертвований возможны: **На расчётный счёт храма**

**Успения Пресвятой Богородицы в г. Малоярославце
ИНН 4011002776, КПП 401101001, Отделение № 8608**

**Сбербанка России г. Калуги, БИК 042908612,
р/с 40703810922230170080,
к/с 30101810100000000612**

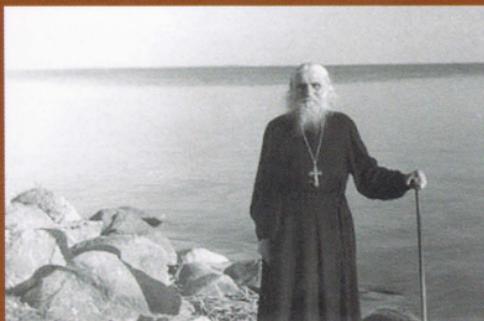
Обязательно указать в назначении платежа:

**«Пожертвование на восстановление храма
вкм. Георгия Победоносца в Бабичево».**

Телефон для связи: 8 (926) 586-32-13,

Владислав Геннадьевич Зорин

**интернет-магазин «ПРАВОСЛАВНАЯ-КНИГА.РФ»
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОСТАВКИ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ХРАМОВ И
ЦЕРКОВНЫХ ЛАВОК ПО НИЗКИМ ЦЕНАМ.**

24 августа 2002 года на 93 году жизни скончался известный старец – митрофорный протоиерей Николай Гурьянов.

После его кончины стало известно, что в свое время он принял тайный монашеский постриг, который скрывал по смирению.

Отец Николай сподобился многих даров Духа Святого, среди них – дары прозорливости, исцеления, чудотворений. Со всей России к старцу приезжали на остров Залит верующие люди, нуждающиеся в духовном совете, в молитвенной помощи старца.

«ПОКРОВ»